

Анриенко Ю.А.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС РОССИЙСКОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Andrienko Y.A.

THE FUNCTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN INVESTIGATOR: THE CURRENT STATE AND PROBLEMS OF IMPROVEMENT

В статье рассматриваются актуальные вопросы текущего функционально-правового статуса российского следователя, проблемы практической реализации положений, устанавливающих его процессуальную самостоятельность, а также обстоятельства, оказывающие негативное влияние на право следователя направлять ход расследования по своему усмотрению. Автор анализирует возможные пути дальнейшего развития отечественной модели предварительного расследования и обосновывается целесообразность наделения следователя статусом представителя судебной власти.

Ключевые слова: следователь, процессуальная самостоятельность следователя, органы дознания, единый следственный орган, модель предварительного расследования.

The article deals with topical issues of the current functional and legal status of the Russian investigator, the problems of practical implementation of the provisions establishing his procedural independence, as well as circumstances that have a negative impact on the investigator's right to direct the course of the investigation at his discretion. The author analyzes possible ways of further development of the domestic model of preliminary investigation and justifies the expediency of granting the investigator the status of a representative of the judiciary.

Keywords: investigator, procedural independence of investigator, bodies of inquiry, unified investigative body, model of preliminary investigation.

92

Гражданское и уголовное
судопроизводство

Неотъемлемым элементом нормативного выражения правового статуса следователя является его процессуальная самостоятельность, которая провозглашена действующим уголовно-процессуальным законом и выражается, прежде всего, в праве оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, а также в полномочии самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве процессуальных

действий. В свете данных положений следует признать аксиоматичным утверждение В.В. Кальницкого о том, что никто не может принуждать следователя к принятию решения, противоречащего сложившемуся у него внутреннему убеждению – собственному отношению к своим знаниям, решениям, действиям, заключающемуся, в конечном счете, в чувстве уверенности в их правильности [10, с. 40].

Наличие у следователя процессуаль-

ной самостоятельности – это обязательное условие надлежащего обеспечения своевременного и законного производства по уголовному делу, а любое ущемление процессуальной самостоятельности и независимости следователя влечет снижение его инициативы при расследовании уголовных дел, препятствует наиболее полному и своевременному производству необходимых следственных и процессуальных действий, создает условия для снижения его персональной ответственности за принимаемые решения и результаты расследования [12, с. 120].

Вместе с тем беспристрастный взгляд на условия работы современного российского следователя показывает, что вне зависимости от ведомственной принадлежности его процессуальная самостоятельность, ограниченная прокурорским надзором, а также ведомственным и судебным контролем, все больше приобретает характер фикции, а процессуальная роль, как отметил С.Д. Игнатов, часто сводится к простому техническому оформлению принятых руководителем следственного органа, судом и прокурором решений [9, с. 106].

Так, среди основных недостатков структуры российских органов предварительного следствия необходимо выделить ведомственную принадлежность большей части следователей (за исключением сотрудников Следственного комитета РФ) к органам, уполномоченным на проведение оперативно-розыскной деятельности и имеющим в своем составе оперативные подразделения, то есть являющимся в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ органами дознания.

Среди отрицательных проявлений такого объединения, прежде всего, следует отметить заниженные стандарты работы оперативных сотрудников в процессе документирования либо раскрытия преступлений с расчетом на последующее исправление допущенных недочетов и ошибок следователем, стремлением оперативных подразделений повлиять на итоговую квалификацию выявленного преступного деяния, подчинение целей следственных подразделений общим целям правоохранительного органа. Данные факторы в конечном итоге способствуют формированию у некоторых оперативных сотрудников искаженного представления о своей роли и функциях на этапе расследования уголовного дела и, как справедливо отмечал А.М. Ларин, восприятию предварительного следствия как способа реализации оперативных данных [15, с. 76].

Между тем негативная оценка объединения следственных и оперативных под-

разделений в рамках одной ведомственной структуры неоднократно давалась отечественными учеными, начиная с советского периода.

Так, М.С. Строгович отмечал, что «ведение предварительного следствия – это функция юстиции, а не милиции, и она не может быть сосредоточена в органе, ведающем оперативно-розыскной деятельностью. Предварительное следствие ведется таким образом, чтобы результаты оперативно-розыскной деятельности органов дознания подвергались тщательной проверке, все обстоятельства дела были исследованы полно и объективно и все доказательства всесторонне проверены. От объединения предварительного следствия с оперативно-розыскной деятельностью страдают оба» [20, с. 22, 23].

В качестве одного из «системных пороков уголовной юстиции» рассматривалось нахождение следственных и оперативных подразделений в одном управлении (отделе) внутренних дел и подчинение одному начальнику авторами Концепции судебной реформы в РСФСР [18].

Схожие точки зрения высказывают и многие современные исследователи. Так, Л.В. Петракова и И.А. Гааг, говоря о причинах, негативно влияющих на результативность, полноту, объективность и качество деятельности следователей, назвали существующую в органах следствия (МВД, ФСБ, ныне ликвидированной ФСКН) строгую вертикаль власти, т.е. непосредственную подчиненность всего аппарата следствия, включая руководителя следственного подразделения, руководителю правоохранительного органа. При этом указанные авторы справедливо отметили, что «при данной структуре руководитель следственного подразделения одновременно является одним из заместителей правоохранительного органа, что не исключает прямого вмешательства и влияния на следователей... Как результат – порою отсутствие полной самостоятельности и независимости следователя как процессуального лица» [17, с. 197].

Ряд исследователей в качестве пути преодоления вышеуказанных негативных аспектов предварительного расследования видят создание единого следственного органа, что, по их мнению, гарантировало бы осуществление единой государственной политики в отношении предварительного следствия, устранение проблем, связанных с подследственностью, позволило бы добиться надлежащего уровня качества работы следователя, его подлинной процессуальной самостоятельности и независимости, в том числе

от «ведомственных влияний» со стороны оперативных служб [2, с. 159; 2].

Представляется, что концепция единого органа расследования выглядит предпочтительнее ныне существующей в России системы органов предварительного следствия, предусматривающей ведомственное разделение следственных подразделений. Полагаем, что такое разделение «единой по своим целям и содержанию (т.е. функциям и методам) деятельности» [18] является искусственным, которое может быть объяснено исключительно борьбой за обладание ведомственным следственным аппаратом, результаты работы которого определяют общие показатели эффективности функционирования отдельных правоохранительных ведомств [7, с. 364, 365].

Помимо приведенных выше негативных аспектов распределения следственных подразделений по различным органам исполнительной власти, также нельзя не сказать о сложившейся в настоящее время парадоксальной и вопиющей ситуации, при которой материальное обеспечение следователей органов внутренних дел РФ, осуществляющих расследование более 70% от общего количества оканчиваемых и направляемых в суд уголовных дел [8], значительно уступает обеспечению следователей органов Следственного комитета и ФСБ России. Так, оплата труда следователей ОВД в сравнении с аналогичными должностями в этих ведомствах ниже в 1,5 – 2 раза, существует значительная разница в пенсионном обеспечении и других социальных гарантиях. Данная ситуация крайне отрицательно сказывается на статусе следственных подразделений ОВД, престиже работы в них и привлекательности для потенциальных кандидатов на службу, ее прямым следствием является существенное снижение кадрового потенциала, растущий отток квалифицированных сотрудников.

Вместе с тем считаем, что решить главную проблему текущего функционально правового статуса следователя, связанную с отсутствием реальной процессуальной самостоятельности и независимости в принятии решений, создание единого следственного органа вряд ли способно, поскольку даже с учетом отделения от органов дознания, пребывание в структуре такого органа не освобождает следователя от ведомственной подчиненности другому участнику уголовного судопроизводства – руководителю следственного органа.

Учитывая изложенное, представляется, что действенное решение обозначен-

ных выше проблем едва ли возможно без отыскания ответа на системообразующий вопрос выбора оптимальной модели отечественного предварительного расследования, без которого, по мнению профессора Л.В. Головки, полоса «турбулентности», в которой оно в настоящее время находится, не только не прекратится, но будет усиливаться [5, с. 47].

Согласно распространенной в современной уголовно-процессуальной науке классификации, в основе которой лежит обобщение структуры и нормативной основы предварительного расследования в разных правовых системах, выбор пути развития российского досудебного производства стоит между тремя наиболее общими моделями, условно именуемыми как французская, германская и американская (англо-американская) [5, с. 48; 11, с. 33-34].

Преобразование отечественной модели предварительного расследования по германскому или американскому пути так или иначе предполагает подчиненное положение следователя перед административным или процессуальным руководителем, а также подразумевает отказ от следствия как процедуры досудебного сбора доказательств и связано с необходимостью легального и функционального преобразования фигуры следователя в офицера полиции. Перечисленные обстоятельства помимо прочего актуализируют вопрос статуса сведений, получаемых на досудебном этапе производства по делу, поскольку в указанных выше моделях такие сведения приобретают статус доказательств только посредством их судебной легализации.

Особенностью французской модели досудебного производства является наличие полноценного независимого предварительного следствия, осуществляемого следственным судьей, являющимся полноправным представителем судебной власти. Следственный судья самостоятелен в процессе производства расследования и не связан выводами прокуратуры. В целях установления истины он вправе сам собирать доказательства путем производства следственных действий, давать поручения органам полиции. Как судья он принимает процессуальные решения: рассматривает ходатайства сторон, прекращает дело, передает его в суд для судебного разбирательства [14, с. 188-189; 21, с. 259-262].

Как известно, российская система предварительного расследования, сформировавшаяся в 1860 г. в рамках концепции следствия как судебной функции (су-

дебные следователи) и перенявшая французскую модель, до 1928 г. развивалась на основе признания за следствием юстиционных корней. В остальное же время, особенно с конца 20-х гг. прошлого века, данный правовой институт все больше попадал в организационную и правовую зависимость от административных органов государства [6, с. 84].

В то же время, несмотря на все перенесенные реформы, современная модель российского досудебного производства во многом сохранила черты следственно-судебной модели. Так, именно благодаря этой модели в современном уголовном процессе до настоящего времени существуют такие процессуальные институты, как «процессуальная самостоятельность следователя», «привлечение в качестве обвиняемого», «разрешение дела путем его прекращения», «заявление на следствии гражданского иска», равное преюдициальное значение следственных и судебных актов и т. д. [4].

Именно поэтому полагаем, что при определении пути дальнейшего развития российского предварительного следствия оптимальным является выбор французской модели, поскольку только относясь к судебному ведомству, будучи отделенным и независимым от органов исполнительной власти, следователь может обладать подлинной процессуальной самостоятельностью и иметь возможность осуществлять всестороннее, полное и объективное расследование и принимать решения, руководствуясь своим внутренним убеждением.

Постулат о том, что следствие предварительное – фундамент следствия судебного [1], для нашего государства является особенно актуальным. Именно поэтому при выборе подходящей модели российского предварительного расследования необходимо принимать во внимание такие факторы как большая территория государства, неравномерное распределение населения, различные природно-климатические условия, сложная экономическая ситуация, нестабильная криминогенная обстановка, присущий значительной части граждан правовой нигилизм. Перечисленные обстоятельства оказывают влияние как на возможность быстрого и полного досудебного исследования преступления, так и на последующее судеб-

ное рассмотрение. В связи с этим в целях обеспечения своевременного доступа граждан к правосудию и создания условий для полноценного судебного разбирательства, должностное лицо, производящее предварительное расследование, должно иметь возможность не только для сбора сведений о совершенном преступлении, но и для самостоятельного придания им доказательственной силы и сохранения их для суда, где они могут лечь в основу законного, обоснованного и справедливого итогового решения по делу.

Следует отметить, что восстановление института судебного следователя связано с необходимостью внесения еще ряда корректив, касающихся нормативного регулирования его статуса и определения процессуальных функций.

Так, высказываясь за поэтапное преобразование предварительного следствия в судебное, В.Н. Махов в качестве первого шага на этом пути рассматривает выведение следователя из числа представителей стороны обвинения, поскольку он должен быть участником уголовного судопроизводства, который в числе прочих должностных лиц ответствен за производство по уголовному делу [16, с. 56]. Разделяя точку зрения о судебном характере предварительного следствия, Т.К. Рябинина также замечает, что независимый статус следователь может получить, если предварительное следствие будет освобождено от выполнения функции уголовного преследования, поскольку оно концептуально имеет общую природу с судебным следствием и является частью единой функции разрешения дела [19, с. 202].

В свою очередь, также полагаем, что судебный статус следователя в рассматриваемой нами модели несовместим с возлагаемой на него действующим уголовно-процессуальным законом функцией уголовного преследователя как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения. В связи с этим, изменение статуса следователя неизбежно предполагает исключение его процессуальной фигуры из числа представителей обвинения и обуславливает необходимость возложения на него функции расследования уголовного дела, суть которой заключается во всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств преступления.

Литература

1. Александров А.С., Бойков А.Д., Ведерникова О.Н. и др. Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. – М., 2015 // СПС «Гарант».

2. Антонов И.А. И снова возвращаясь к вопросу о едином вневедомственном Следственном комитете Российской Федерации (уголовно-процессуальные, организационно-структурные и духовно-нравственные вопросы // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 1. – С. 155-160.
3. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты – М., 2008. – 208 с.
4. Головки Л.В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 2. – С. 9-16. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Головки Л.В. Реформирование следственных органов в России // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2013. – № 3. – С. 43-55.
6. Деришев Ю.В. О современной отечественной уголовно-процессуальной науке в целом и организации следственного аппарата в частности // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2019. – № 31. – С. 74-91.
7. Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: дис. ... д-ра юрид. наук. – Омск, 2005. – 436 с.
8. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). – URL: <http://www.fedstat.ru> (дата обращения: 30.05.2021).
9. Игнатов С.Д. Статус следователя как субъекта уголовно-процессуального доказывания // Вестник Удмуртского университета. – 2015. – Т. 25. Вып. 2. – С. 101-106.
10. Кальницкий В.В. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1982. – 212 с.
11. Коновалов С.Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 220 с.
12. Корнакова С.В. Процессуальная самостоятельность следователя: проблемы реализации // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 1 (43). – С. 113-121.
13. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – М., 1989. – 640 с.
14. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. – 2-е изд., испр. – М., 2017. – 1280 с.
15. Ларин А.М. Заметки о предварительном следствии в России // Государство и право. – 1993. – № 3. – С. 72-76.
16. Махов В.Н. О совершенствовании досудебного производства в уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 54-56.
17. Петракова Л.В., Гаг И.А. К вопросу о едином следственном комитете в Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2 (62). Т. 2. – С. 196-199.
18. Постановление Верховного совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».
19. Рябинина Т.К. К вопросу о концепции реформирования предварительного расследования // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11/2 (122). – С. 199-205.
20. Строгович М.С. О дознании и предварительном следствии и о «едином» следственном аппарате // Социалистическая законность. – 1957. – № 5. С. 17-26.
21. Уголовный процесс европейских государств: монография / А.Б. Войнарович, В.А. Савченко, Т.В. Садовая и др.; под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцка. – М., 2019. – 752 с.

References

1. Aleksandrov A.S., Boykov A.D., Vedernikova O.N. i dr. Ugolovnoe sudoproizvodstvo: teoriya i praktika / pod red. N.A. Kolokolova. – M., 2015 // SPS «Garant».
2. Antonov I.A. I snova vozvrashchayas' k voprosu o edinom vnevedomstvennom sledstvennom komitete Rossiyskoy Federatsii (ugolovno-protsessual'nye, organizatsionno-strukturnye i dukhovno-nravstvennye voprosy // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. – 2019. – № 1. – S. 155-160.
3. Gavrilov B.Ya. Sovremennaya ugolovnaya politika Rossii: tsifry i fakty – M., 2008. – 208 s.
4. Golovko L.V. Arkhetipy dosudebnogo proizvodstva, vozmozhnye perspektivy otechestvennogo predvaritel'nogo sledstviya // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. – 2014. – № 2. – S. 9-16. Dostup iz SPS «Konsul'tantPlyus».
5. Golovko L.V. Reformirovanie sledstvennykh organov v Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. – 2013. – № 3. – S. 43-55.
6. Derishev Yu.V. O sovremennoy otechestvennoy ugolovno-protsessual'noy nauke v obshchem i organizatsii sledstvennogo apparata v chastnosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2019. – № 31. – S. 74-91.

7. Derishev Yu.V. Uголовное досудебное производство: kontseptsiya protsedurnogo i funktsional'no-pravovogo postroeniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. – Omsk, 2005. – 436 s.
8. Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema (EMISS). – URL: <http://www.fedstat.ru> (data obrashcheniya: 30.05.2021).
9. Ignatov S.D. Status sledovatelya kak sub"ekta uголовno–protseessual'nogo dokazyvaniya // Vestnik Udmurtskogo universiteta. – 2015. – T. 25. Vyp. 2. – S. 101-106.
10. Kal'nitskiy V.V. Vedomstvennyy protseessual'nyy kontrol' za deyatel'nost'yu sledovately organov vnutrennikh del: dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 1982. – 212 s.
11. Konovalov S.G. Elementy germanskoy modeli dosudebnogo proizvodstva v uголовnom protsesse postsovetских gosudarstv: dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 2018. – 220 s.
12. Kornakova S.V. Protseessual'naya samostoyatel'nost' sledovatelya: problemy realizatsii // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2018. – № 1 (43). – S. 113-121.
13. Kurs sovetskogo uголовного protseessa. Obshchaya chast' / pod red. A.D. Boykova, I.I. Karpetsa. – M., 1989. – 640 s.
14. Kurs uголовного protseessa / pod red. d.yu.n., prof. L.V. Golovko. – 2-e izd., ispr. – M., 2017. – 1280 s.
15. Larin A.M. Zametki o predvaritel'nom sledstvii v Rossii // Gosudarstvo i pravo. – 1993. – № 3. – S. 72-76.
16. Makhov V.N. O sovershenstvovanii dosudebnogo proizvodstva v uголовnom protsesse // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2012. – № 2. – S. 54-56.
17. Petrakova L.V., Gaag I.A. K voprosu o edinom sledstvennom komitete v Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 2 (62). T. 2. – S. 196-199.
18. Postanovlenie Verkhovnogo soveta RSFSR ot 24 oktyabrya 1991 g. № 1801-1 «O kontseptsii sudebnoy reformy v RSFSR» // SPS «Konsul'tant-Plyus».
19. Ryabinina T.K. K voprosu o kontseptsii reformirovaniya predvaritel'nogo rassledovaniya // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 11/2 (122). – S. 199-205.
20. Strogovich M.S. O doznanii i predvaritel'nom sledstvii i o «edinom» sledstvennom apparate // Sotsialisticheskaya zakonnost'. – 1957. – № 5. S. 17-26.
21. Uголовnyy protsess evropeyskikh gosudarstv: monografiya / A.B. Voynarovich, V.A. Savchenko, T.V. Sadovaya i dr.; pod red. V.I. Samarina, V.V. Lutsika. – M., 2019. – 752 s.

АНДРИЕНКО Юрий Александрович, преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 656008, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Партизанская, 187. E-mail: andrienko-mvd@mail.ru

ANDRIENKO Yury Aleksandrovich, Lecturer of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Altai Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 656008, Altai Region, Barnaul, Partizanskaya Street, 187. E-mail: andrienko-mvd@mail.ru

